

Сергей Светушков

Простой рассказ

Санкт-Петербург, 2020

Светуньков С.Г. Простой рассказ. – СПб.: <https://sergey.svetunkov.ru/moi-publikacii/>, 2020. – 43 с.

Редакция настоятельно требует от автора разместить на обложке книги надпись: "Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью". Ещё как вредит! А вот если читатель этот простой рассказ прочитает, то он станет передовым носителем этой идеи: "Пить вредно!"

© Светуньков С.Г. Текст. 2020.

1

«Вот последнее, что я помню – это как, высунувшись из окна своей комнаты на третьем этаже, я орал:

- Чтоб вы все провались!

Сегодня, как всегда, после вчерашнего, у меня жутко болела голова и, как всегда, во рту вместо языка был пук соломы, а рот как будто забит сухим песком пустыни Кара-Кум.

Но опыт не пропьёшь!

Не поднимаясь с кровати, я опустил правую руку вниз. Под кроватью стояла пластиковая бутылка из-под кефира с сырой водой. То, что надо.

Медленно отвинтив пробку, я сделал несколько глотков. Полегчало. По крайней мере – во рту. Язык уже мог шевелиться и песок во рту превратился в глину. Теперь нужно было сделать следующий шаг – подняться с кровати и дойти до холодильника.

«Подумаешь, какой подвиг», - скажет кто-нибудь, кто никогда не был в состоянии похмелья. А тот, кто там был, поймёт, что проделать это, преодолевая головокружение и расслабленность во всех членах, очень сложно.

Но опыт не пропьёшь.

Плохо, что я спал прямо в туфлях. Не люблю я этого – в кровать всякую гадость можно занести: окурки или того хуже - собачье дерьмо. К тому же вставать после бодуна легче босыми ногами, нежели в туфлях. Туфли придают ногам дополнительную тяжесть и меняют центр тяжести. Особенно это важно в начале пути.

С бодуна ты как маленький ребёнок, делающий первые шаги по жизни.

Но вставать надо было.

Я, медленно приняв вертикальное положение, встал с кровати и медленными шагами, держась сначала за спинку кровати, а затем за стенку, пошёл к холодильнику.

Кровать, на которой я спал, я выменял у коменданта рабочего общежития на кусок сала, который мне прислали родители из Тюмени. И хотя она была старой и потрёпанной, а её металлическая сетка ужасно прогнулась от множества тел, которые она принимала ещё в советские времена, я её сразу же после приобретения привёл в порядок – сетку обвил проволокой от электропроводки и она уже не свисала до пола, как раньше. А раньше я спал на полу на матрасе.

В холодильнике хранилось сокровище – трёхлитровая банка с остатками солёных огурцов и, самое главное, с огуречным рассолом. Поэтому я так стремился к нему.

Некоторые говорят, что опохмеляться надо водкой или кефиром. Нет, говорю я вам! И ещё раз: нет! Опохмеляться надо только огуречным рассолом – это жизненная вода.

Я достал трясущимися руками эту банку и, не отходя от холодильника, прильнул к её горлу и стал пить.

По мере выпивания холодного огуречного рассола, я почувствовал, как живительная жидкость проходит через пищевод и прямёхонько попадает в желудок. Как смазываются все внутренности моего отравленного организма, и как восстанавливается его работоспособность.

Теперь надо ещё немного посидеть – минут пятнадцать, пока огуречный рассол не начнёт своё действие.

Я сидел на кровати с закрытыми глазами и пытался припомнить – что было вчера. Но, кроме того, что я пожелал всему миру провалиться, я ничего не помнил. Поскольку я чувствовал себя хуже, чем обычно, то это означает, что принял я вчера чрезвычайно много и что-то очень некачественное. Но что именно я выпивал и с кем – не помню. От портвейна или спиртовой настойки боярышника такого быть не могло.

И вдруг я осознал, что сижу в абсолютной тишине. Окно во двор-колодец было, как всегда летом, у меня открыто, но никакого привычного городского шума из него я не слышал. Тишина.

Я пощёлкал пальцами – не оглох ли? Нет, не оглох. Щелчки слышу. А почему во дворе тихо?

Обычно во двор через арку врывались звуки проезжающих по Кадетской линии автомашин, и этот шум был мне столь же привычен, как морякам на корабле привычен шум волн. Под эти звуки я просыпался, под эти звуки я засыпал. А теперь океан городского транспорта застыл. Что-то произошло. Ледниковый период, что ли? А, может быть, это Путин едет, и все дороги перекрыли?

Ладно. Хрен с ним, с Путиным. Надо сходить в уборную и умыться.

А хорошо, что я вчера завалился спать в туфлях! А то с такой головной болью ещё наклоняться и одевать туфли, а потом их зашнуровывать...

Сходить в уборную! Для кого как, а для меня это – подвиг. Те, кто живут в коммунальной квартире как я, знают, что это такое. Надо пройти по общему коридору. При этом в случае встречи с соседями выслушать в свой адрес очередной поток всякой гадости, типа «алкаш», «пьянчуга», «конченная личность» и т.п. Вчера ведь я наверняка был никакой и наделал много всяких дел. И стошнить где-нибудь в коридоре меня тоже могло.

А при жуткой головной боли любой шум невыносим, а эти ублюдки, я соседей имею ввиду, обязательно начнут орать! Пронесло бы!

А ещё важно, пройдя по коридору и выслушав всё это в свой адрес, обнаружить уборную не занятой. А если там старуха Егоровна сидит и воздух портит? А она это любит делать. Почти как я люблю пить, так она любит сидеть в уборной и воздух портить. Хотя ей уже за восемьдесят и пора бы кончать.

«Алкаш, алкаш»! А какой я алкаш? Ну да, я выпиваю. Ну и что? Я не алкаш, потому что знаю, что в любой момент могу остановиться и перестать пить. Вот возьму и брошу и всё! Но не бросаю, потому что нравится мне пить и всё тут! Вот мой отец, между прочим, адмирал. А тоже любил выпить. У него был личный самолёт, на котором я ещё ребёнком часто летал за сладостями в Москву. Подойду так, десятилетним, на военный аэродром, а лётчики уже знают.

- Что, Лёха? За конфетками тебе слетать?

- Ага, - говорю...

Ладно, сейчас не об этом. Надо пробираться в уборную.

Я взял полотенце, зубную щётку и пасту, тихо приоткрыл дверь в коридор и огляделся. Никого. Если быстро пройти по коридору, держась за стенку, то можно избежать неприятных встреч и разговоров. Только бы Егоровна там не сидела. Но как пройти тихо и быстро, если голова ещё раскаляется, а ориентация в пространстве не восстановилась?

Я стал на цыпочки и, держась левой рукой за стенку коридора, стараясь не шуметь, прокрался к уборной комнате.

Опыт не пропьёшь!

Никто не встретился, и шуму я не наделал. Теперь – хоть бы уборная не была занята!

Есть! Удача: в уборной никого, даже Егоровны. Я быстро закрыл за собой дверь на щеколду и облегчённо вздохнул. А искупаюсь-ка я под душем! Могу себе позволить. И пусть соседи тарабанят по двери – я буду купаться!

Искупавшись под душем и почистив зубы, я побрился. Никто не стучал в дверь. Это хорошо. Может быть Егоровна «коньки отбросила»? Потому и не беспокоила меня. Хорошо бы...

Когда я направлялся в уборную комнату, я и не думал купаться, а потому не взял с собой чистую одежду и смену белья. Одну старую, вариантов нет. Я понюхал одежду. Пахнет плохо. Но делать нечего – не голым же по коридору идти!

Голова немного стабилизировалась, и ориентация в пространстве восстановилась. Теперь я готов встретить любого соседа и даже любую соседку. Пусть визжат. Гордо молча пройду мимо.

Я вышел в коридор. Тишина. Никого. Даже телевизоры молчат. Егоровна обожает две вещи: портить воздух и включать на полную мощность звук телевизора. Особенно, когда идут всякие ток-шоу про Украину. А сегодня – тишина.

Я прошёл на кухню. И тут никого. Ещё раз прислушался – вокруг тишина. И в нашей квартире и снаружи. Двери в комнаты открыты, а в комнатах никого нет.

Точно: Путин приехал и все побежали его встречать, а движение по Кадетской линии перекрыли.

Ну что ж! Славно!

Я вскипятил чайник и вернулся в свою комнату.

Да, у меня в комнате грязно, или, как говорит наша королева коммуналки Ленок: «срач». Но зато всё под рукой: стол аккуратно застелен газеткой...

Ну ладно. Пусть не очень аккуратно застелен, и газета пусть уже заляпана, чем не попадая, и порвана, но ведь застелена! А потому хлебные и иные крошки не пачкают стол. Снял газету, скомкал, выбросил в ведро, которое стоит рядом со столом, и порядок.

Ну и пусть, что в ведре куча всякого мусора и стоит оно, получается, в центре комнаты. Зато – под рукой, что особенно важно, когда я пьян... «а пьян всегда я!» - так, кажется, поётся в одном из старинных русских романсов? Не Пушкин ли написал?

Постель я также иногда меняю, когда я трезв... «а пьян всегда я!»

Ладно. У меня в стакане ещё остался пакетик чая, который я, правда, уже несколько раз заваривал. Но другого нет.

И дело не в аромате чая, а в том, что чай горячий и коричневый.

Добавлю в стакан столовую ложку сахара, помешаю – и готово. Вон – на том конце стола лежит кусок хлеба, его я с чаем и съем.

«Ничего не делаешь, не работаешь!» Достали меня уже эти соседи, чтоб они сдохли!

А я, между прочим, инженер! Я не могу себе позволить подметать улицы. Что я - гастарбайтер что ли? Пусть они улицы метут! Вы сначала дайте мне работу по моей квалификации, а затем говорите, что я не работаю. Ишь! Развалили всю страну, а потом: «почему не работаешь?» А потому и не работаю, что вы страну развалили.

Да! А почему всё-таки так тихо? Я уже час как проснулся и никакого звука снаружи. Да и в квартире нет никого! Доем-ка я кусок хлеба с чаем и посмотрю на улице – что там делается с Путиным? А заодно, может мне что и перепадёт где.

Когда я вышел на Кадетскую линию, солнце стояло высоко и после тёмной парадной ослепляло. Через минуту я привык к яркому летнему солнцу, стоявшему в зените, и огляделся кругом. Никого! Никакого движения! Посередине дороги на своих полосах стояли пустые автомобили, на перекрёстке Кадетской линии и Среднего проспекта без движения стоял автобус. Я подошёл к нему и заглянул в окна – никого: ни водителя, ни кассира. Пассажиров тоже не было. И вообще: никого.

Нет, это не Путин. Это что-то другое.

И тут меня осенило: это – Чернобыль. Или что-то типа Чернобыля. У нас же под Питером есть атомная электростанция! Вот она и шарандарахнулась. И всё. Массовая срочная эвакуация, туда-сюда... Всех вывезли, а я спал и ничего не слышал.

Точно! А соседи по коммуналке, уроды, даже и не вспомнили обо мне, когда тикали со всех ног. Теперь всё! Мне кранты. Помирай безвинно, Алёша!

Я тут же почувствовал, что силы покинули меня, и что я умираю. В изнеможении я присел на поребрик и вытер рукавом выступивший на лбу пот.

Сколько рентген - или, чего там при радиации может быть, - я получил? Наверное, очень много, ведь если всех так срочно эвакуировали, что даже автобус застыл на повороте. Значит рентген было много.

Мне стало горько. Очень горько. За что? Что я вам сделал? Взяли так и бросили меня один на один с радиацией.

Надо бежать! Но куда? Кажется, атомная электростанция находится от Питера на юго-западе. Значит, надо бежать на северо-восток. И я, было двинулся на северо-восток в направлении Тучкова моста, но понял, что далеко не убегу.

Можно было бы на автомобиле поехать, но я водить не умею. Да что там – водить? Я даже завести автомобиль не смогу. А если даже и заведу, то не остановлю. Есть, конечно, тормоз, но где этот тормоз, а где акселератор – чёрт его знает.

Нет, автомобиль не для меня.

И тут мне пришла простая мысль. Как она раньше не посетила мою буйную головушку? Зачем куда-то бежать? Весь город в моём распоряжении. Я ведь могу всё – и в автомобиль залезть, и в автобусе переночевать, и в любой магазин зайти. Напоследок почему бы и не предаться простым человеческим радостям? Я ведь по-настоящему давно ничего не ел – всё какие-то объедки, да случайные огрызки у приятелей. А тут – любой магазин в моём распоряжении!

А вот и магазин рядом. Я подошёл к нему и потянул дверь в магазин за ручку. Дверь оказалась открытой.

Зайдя во внутрь, я вдруг почувствовал дрожь в коленках и лёгкую панику. Не то, чтобы я никогда и ни у кого ничего не тащил. Если плохо лежит, то почему-бы не взять? И тем более, когда невыносимо жрать хочется. А тут так много всего лежит... Но, как-то страшно.

А вдруг эвакуацию отменят и все вернутся в город?

А я тут в нерешительности стою. Надо быстро действовать.

А вдруг кто-то - как я, - в подсобке уснул, и сейчас выйдет оттуда и мне по кочану даст? Быстро, быстро!

Я перелез через прилавок и первым делом ломанулся к вино-водочному отделу. Вот он – портвейн «Три топора»! Скорее его!

Я, было схватил две бутылки, но тут же опомнился. Какие «Три топора»?! Надо брать водку! Когда я в последний раз пил нормальную водку? Даже не помню... В компании таких же, как я, и «Три топора» было роскошью. А тут – водка. Да ещё можно взять не одну бутылку, а несколько бутылок и с разными названиями.

Я посмотрел на ценники. А! Была-не-была! Возьму самую дорогую. Две штуки. Не – четыре!

Мне удалось засунуть их в карманы брюк по одной и две положить за пазуху.

А теперь быстро – закуску. Вот – хлеб. Беру батон. Теперь надо взять колбасу – вот эту, варёную! И возьму всю палку, а она весит килограмма три.

Всё. Теперь аккуратно надо выбираться отсюда.

Я открыл дверь магазина и осторожно выглянул. Вокруг никого не было. Никого не эвакуировали обратно.

Но мне особенно рассусоливать было некогда. Надо скорее в квартиру, а то вдруг высадятся жители обратно и отнимут мою добычу? Бегом, бегом!

А вот и дверь в коммуналку. Я достал ключ, который был у меня на шнурке, висящем на моей шее. Это очень удобное изобретение. В каком бы ты не был состоянии, и где бы ты не оказался, ты можешь лишиться всего – брюк, рубашки, обуви... А ключ на верёвочке так и останется.

Я открыл дверь. Никого. Теперь - быстро в свою комнату!

Так, порядок!

Я положил на стол хлеб и колбасу, а водку положил в холодильник. Я хотел всю её засунуть в морозильник, чтобы скорее остыла, но морозильник зарос льдом – я давно его не размораживал. В результате в морозильник полезла только одна бутылка. Остальные я положил в дверцу холодильника. Холодильник старенький, советский. «Бирюса» называется. Союза уже нет, а холодильник работает. Он мне в наследство достался – от прежнего владельца моей комнаты.

Когда я в последний раз ел варёную колбасу? Давно. Пожалуй, последний раз я её ел года через два после того, как я переехал сюда, в коммуналку. Тогда ещё какие-то деньги у меня водились, и работа какая-то была. Разовая, малооплачиваемая, но была.

С трясущимися от волнения руками я порезал довольно тупым ножом, а по сути – поломал на куски батон хлеба, затем точно также поломал варёную колбасу довольно большими кусками и жадно впился зубами в колбасу.

Да! Варёная колбаса – это вещь! Особенно, когда ты голоден и колбасу от роду не видал.

Да что я делаю? Дурак! У меня же есть водка!!! Такая закуска и без водки? Ну и пусть, что не успела охладиться!

Я достал из морозильника бутылку, открыл её, дрожащими руками, и налил себе полный стакан.

- Ну! За моё здоровье! Ведь после нашего Чернобыля только на помощь водки и можно рассчитывать!

Тёплая водка плохо шла в горло. Как любит говорить Тоха:

- Хорошо пошла: обещала вернуться.

А теперь колбасой надо быстро смазать нёбо и горло. Ах, как хорошо!

2

О! Пробуждение было не таким жутким как вчера. Голова, естественно, болела; во рту творилось чёрт знает что. Но всё равно – было лучше, чем вчера.

Я сунул руку вниз под кровать и достал бутылку с водой.

Да! Опыт не пропьёшь!

Воду я всегда наливаю заранее на автопилоте – даже не помню, когда я это делаю. Может показаться, что это ангел спускается с небес в мою комнату и, когда я пью, наливает мне бутылку сырой воды и ставит её под кровать.

Я и сам так одно время думал. А почему-бы и не ангел?

Но потом очевидцы из тех, кто оставался у меня ночевать, рассказали мне о том, что это я сам внезапно вставал, брал под кроватью пустую бутылку, ни слова не говоря, выходил из комнаты, затем возвращался с полной бутылкой воды, также молча ставил её под кровать, и ложился спать.

Так что - опыт не пропьёшь.

Сняв немного сушняк во рту, я прислушался к окружающему миру. Тишина. Точно - Чернобыль.

А интересно: почему это я не помираю? Если я получил такую дозу радиации, то давно должен бы был кердыкнуться? А не кердыкнулся до сих пор.

А, может быть, это водка помогает? Она выводит нуклеины – так кто-то из моих корешей по алкоголю говорил, я помню. Точно! Тогда – вперёд! И я впервые за много лет опохмелился уже не огуречным рассолом, а водкой, которая у меня была в холодильнике.

Пол стакана холодной водки, да под варёную колбасу, да с белым батонem! Уууу! Что может быть лучше? Да, пожалуй, ничего! Вы когда-нибудь, закусывая водку, вгрызаясь зубами в целый батон колбасы или в шматок колбасы, - да так, что один её конец упирался в левое ухо, а другой – в правое? Нет? Рекомендую.

В окно была видна стена соседнего дома, освещённая солнцем. Значит, сегодня хороший день. А поскольку здоровье моё позволяло мне выйти наружу, то я решил опять направить мои стопы к магазину – ведь в любой момент в город могут вернуться эвакуированные, а я вчера дал маху – взял только то, что мог унести в руках. Сегодня надо подготовиться более основательно и затариться по полной.

Я достал потрёпанный рюкзак, который валялся у меня на шкафу, нашёл большую товарную сумку, пошитую из мешков – такими сумками пользовались в 90-е годы челноки, и одна из них тоже досталась мне по наследству, и с ними направился в магазин.

На воздухе было хорошо и тепло. Радостно чирикали воробьи, ласково шуршала зелёная листва редких на Ваське деревьев. Время от времени дорогу перебегали кошки, подозрительно оглядывая меня. И ни одной живой души вокруг! А ведь хорошо!

А вот и магазин.

«Берём только филей»!

Я, было, схватил водку, но вдруг сообразил, что помимо водки есть и другие достойные напитки. У меня ведь есть время для выбора, куда торопиться? Даже если появятся первые эвакуированные, это же не будут продавцы именно этого магазина? Нет. Если начнётся движение в воздухе, то я спокойно выйду из магазина, прикинувшись первым эвакуированным или же первым покупателем.

Итак, выбираем из представленного ассортимента.

Водку пока оставляем в стороне, хотя, как любит говорить Тошка: «Лучше русской водки ничего в мире хуже нет». Обратим свои взоры к другим напиткам. Вот – коньяки. Ба! Армянский коньяк! Отлично мы помним

армянские коньяки! В наше время их было не достать, а тут, глянь – вот они! Бери - не хочу!

Я помню, как «на картошке» в каком-то колхозе, когда мы вытаскивали урожай из мокрой земли и засовывали картошку в мешки, был жуткий туман и холодно, а потому дрожь от непогоды пробирала меня до мозга костей. Настало время обеда и за нами в поле заехал какой-то колхозный «Пазик». Мы поехали в колхозную столовую обедать. По колдобинам и буеракам. И тут Николай Никитыч, зам зав отдела, достал откуда-то из широких штанин бутылку армянского коньяка и со словами: «А ну-ка, братцы, согреемся!», глотнул первым из горла и передал бутылёк соседу. Так коньяк добрался и до меня. Я тогда ещё пил редко – только что вышел на работу в НИИ; первый год, никого не знаю. Но глотнул. И вдруг почувствовал, как тепло побежало по моим жилам и по моим сосудам. И во рту такой аромат появился! Стало хорошо и тепло...

Да, армянский коньяк берём!

А вот ещё и французский коньяк стоит. Никогда не пил. Берём и его. Одна бутылка что ли? Наверное, где-то на складе есть ещё, но нет времени её искать.

А тут ещё и виски какой-то стоит. Берём и виски. Две штуки.

Во! Текила! Слышал, слышал. Но не пил ни разу. Забираем и всю текилу.

А вот и ром. «Йо-хо-хо, и бутылка рома!» А у меня аж целых четыре бутылки!

Так. Рюкзак уже полный и тяжёлый, но своя ноша не тянет!

Чтобы бутылки не звенели и, чего ради, не разбились, их надо чем-то проложить. Но чем? Вот – колбасная нарезка в целлофане. Её можно между бутылками и проложить – и бутылки будут в сохранности, и в дом колбаса.

Так. Рюкзак набит. Осталась сумка. Выпивку больше брать не буду. Пока. А теперь беру закуску.

Я взял, было трёхлитровый баллон маринованных огурцов, но взвесив его в руках, сообразил, что куда как лучше вместо него взять той же самой колбасы. Но теперь я возьму самую дорогую колбасу. А вот и ценники. Долой варёную, да здравствует копчёная! И сырокопчёной пожелаем не хворать! В сумку и её.

Так. Колбаса кончилась. Может быть сыра? Вообще-то я не фанат сыра, но головку самого дорого возьму.

Ба! Да как же я забыл о главном? О селёдке о нашей родимой? Вот она – и в вакуумной упаковке, и в виде филе, и в пластиковых банках... Селёдку нельзя не брать. Всё – в сумку!

Опаньки! А вот и икра красная лососёвых рыб. Когда я её в последний раз ел-то? Как-то лет десять назад Ренат на стол поставил – где-то он баночку стащил. Мы её просто на ржаной хлеб мазали и закусывали. Не плохо. Но надо её есть с белым хлебом, да со сливочным маслом.

Итак, беру все баночки икры, забираю все пачки сливочного масла и засовываю сверху батон хлеба. Сумка почти полная. Ещё что-то можно положить, но что?

И тут я увидел мясной прилавок. Когда я в последний раз покупал не кости и обрезки, а настоящее мясо? Мясо с сочной мякотью и маленькими тонкими косточками? Да в прошлой жизни это и было.

Что взять: говядину, свинину или баранину? А, может, курицу? Нет! Возьму свинину с жирком. Вот этот окорок – в нём и мясо есть, и прожилки жира. И зажарю всё это на сковородке. Эх! Вот это будет пир!

С большим трудом добрался я со своей ношей до своей комнаты. Особенно сложным был подъём с этими тяжестями на третий этаж. Здоровье у меня уже не то...

Я полностью забил свой холодильник принесёнными продуктами и даже был вынужден вытащить из него НЗ – банку с солёными огурцами. Ничего, дня два постоит на подоконнике в тепле, ничего с огурцами не будет. В очередной раз я пожалел о том, что морозильник мой зарос льдом и кроме бутылки водки, в него уже ничего не помещалось. Пришлось водку вынуть и кое-как засунуть в морозильник сливочное масло. Одна пачка у меня осталась не в морозильнике, а в холодильной камере – сверху на колбасе.

А теперь пора жарить свинину.

Я достал сковородку. Она была грязной и засаленной. Ничего. Как раз сегодня и отмою.

Торжественно я двинулся на кухню по коридору со сковородкой в одной руке и шматком свинины в другой. Отмыв сковородку с помощью средств для мытья посуды, которые принадлежали соседям, я был готов к жаренью.

Сделаю бифштекс из свинины с кровью. А для этого нужно довести масло до максимальной температуры, до кипения, и в это масло аккуратно положить мясо. Оно быстро покроется коркой и нужно тут же, не мешкая, перевернуть его на другую сторону. И тут главное – не зевать, а то мясо может и пригореть.

У Егоровны в тумбочке я взял растительного масла, поскольку своего у меня отродясь не водилось, и, не жалея, налил масло на сковородку и поставил на газовую горелку. Так тебе, Егоровна, и надо! Не будешь воздух в туалете портить!

Максимальный огонь! Через несколько минут масло задымило и начало кипеть. Самое то!

Стараясь не обжечься, я аккуратно поместил мясо, предварительно посолив его, в кипящее масло. Ах! Что за запах! Сейчас бы холодной водки грамм сто и занюхать его этим запахом. А я водку не сообразил взять с собой! Эх! Растяпа! И бежать в комнату нельзя – подгореть мясо может. А ведь если я побегу за водкой, то могу и не вернуться обратно к мясу. Ладно. Потерплю.

А теперь переворачиваем вилкой мясо на другую сторону и ждём ещё чуток.

Эх! Хорошо жить!

Ну что? Похоже, что свинина готова. Выключаем газ и немедленно идём в комнату.

И как я не догадался перед тем, как идти жарить мясо, прибраться на столе? Ладно – сверну всё мелкое в газету, а крупные куски хлеба, банки и грязные тарелки поставлю на подоконник.

А теперь, прежде чем впиваться в мясо, надо для аппетита выпить. Но что? Эх! Дожил ведь я до такого, что выбираю - что выпить! А давай-ка французского коньяка – он самый дорогой из всех напитков, что я принёс.

Пол стакана хватит.

Ну, будем здоровы! И живы!

Коньяк меня поразил своим ароматом и густотой. Хорош!

А теперь мясо! Отломив кусок хлеба, я стал жадно есть жареное мясо, отламывая его куски вилкой. Забытый вкус!

Утолив первый голод, я подумал о том, что зря всё-таки ем всухомятку. Надо запивать. Французский коньяк - в сторону. Налью-ка я нашего, родимого армянского коньяка! Пол стакана, больше не надо.

Ну, будем живы и здоровы.

Э! Нет! Я, хоть и не специалист по коньякам, но разницу чую. Французский коньяк не отдавал ванилью, а армянский – отдаёт. Его же в дубовых бочках держат, а не в ванильных. Испортился ты, родимый! Про запас тебя, в глубь шкафа – спи спокойно, дорогой товарищ, до тех пор, пока у меня не наступит безвыходная ситуация и тогда ты понадобишься...

Мясо, конечно, перебило запах ванили во рту, но нужно обновить.

О! У меня же есть виски! Самое то – виски с жареным мясом.

Я так думаю.

А коньяк-то не зря был пролит внутрь моего организма. И тепло пошло по всем жилам, и нужное алкогольное расслабление наступило, и в голове ясно и весело... Эх, хорошо!

А теперь виски – пол стакана.

Ну, будем!

Ох! Виски пожётче будет, чем даже армянский коньяк. Мясом его тут же закусить! Ах, до чего же мясо вкусное!

А теперь можно уже откинуться на спинку стула и не торопясь наслаждаться жизнью.

А что всё-таки произошло? Если бы это был Чернобыль, то я бы уже почувствовал это – ну там волосы на голове повывлезали бы или тошнило бы меня постоянно. А ничего этого нет!

Значит, это не Чернобыль! А что? Тиф? Чума? А, может быть, это американцы всех завоевали и в плен увели, а мою комнату открыть не смогли? Соловьёв не даром их пиндосами называет!

Но нет, не американцы. Точно, не американцы! Это, наверное, инопланетяне – раз, приземлились, всех на свои корабли забрали, а меня забыли.

А что я гадаю? Надо телик посмотреть.

У меня-то телевизора давно нет – пропил. А вот у каждого из соседей телевизор есть.

Так, доем я мясо, а то холодным оно будет не вкусным, и пойду телик посмотрю. Можно у Рената – он мужик крутой, фуфлю всякое не держит.

А с собой, чтобы не всухую время прошло, я возьму текилу. Нет! Ром. Беру ром.

Комната Рената была не заперта, и я в неё спокойно вошёл.

Устроившись в уютном кресле хозяина, я взял пульт и включил телевизор. Передач не было ни на одном канале. Какую бы кнопку я не нажимал, телевизор хрипел и шипел мне в ответ рябью серого экрана.

Я глотнул рома прямо из горла бутылки.

Вот это вещь! После французского коньяка ставлю его на второе место.

Ну так что? Никого живого даже в Москве? Значит точно – инопланетяне захватили. Землю и всех людей забрали в рабство. Бедные люди!

Мне вдруг стало так жалко людей, обращённых в рабство инопланетянами, что я даже слёзы пустил из глаз. Нос тут же заполнился соплями.

Да что это такое? Держись! Если ты остался последний из могикан, я имею ввиду - из людей, то ты должен выжить, чтобы потом размножиться!

Глоток–другой рома меня слегка успокоил.

Человечество было, конечно, жаль. И я решил его спасти - не даром мой отец был генерал спецназа. И меня приёмчикам всяким научил. Я ведь, если захочу, любого могу вырубить. Вот так ребром по затылку – бац! И ты в отключке.

А потому – пойдём по стопам своего бати-спецназовца и начнём спасать человечество. Для этого нужно найти – куда инопланетяне всех свезли, а после этого напасть на охрану, всех перестрелять и освободить людей.

А они мне во всех уголках мира памятники понаставят: «Спасителю человечества!» И самые красивые и юные девы будут бороться друг с другом за честь родить от меня ребёнка... И не одного! А я их так выстраиваю в очередь, прохожусь вдоль строя и начинаю вполне себе естественный отбор девиц: эту – на утро после завтрака, эту – на послеобеденный отдых, эту – перед ужином, а вот эту извольте мне привести на ночь в койку.

Ладно, пойду к себе, там уютнее, чем у Рената, по крайней мере – привычнее, и там подумаю – как спасти человечество? И как выбрать из множества девушек самую красивую.

В коридоре я остановился и ещё раз приложился к бутылке рома. Ром входил хорошо, не то, что виски.

А вот, попробую ка я копчёную колбасятину! Где тут она у меня в холодильнике?..

3

Да и в это утро пробуждение было не таким жёстким, как обычно. Всё-таки качественный алкоголь на то и качественный, что после него и похмелье качественное. Да, есть нечёткость в движениях и некоторое головокружение. Но сушняка-то нет! И голова не разламывается!

Преодолевая похмельную нечёткость ориентации, я отправился в уборную комнату.

И что это я всегда обязательно напиваюсь до победного конца? Что бы мне не остановиться на полпути? Выпил, захмелел и достаточно. Отложи бутылку в сторону. Нет, обязательно надо продолжить, да так, чтобы на следующее утро помнить всё урывками, или вообще не помнить ничего!

Надо завязывать. Вот сегодня, например, я вообще пить не буду! Сейчас только коньяком опохмелюсь, и всё. Опохмелка за пьянку не считается. Так дед Боря в тюменской деревне всегда говорил.

А на завтрак-то у меня чего только нет! И вот тебе масло сливочное, а к нему сыр и красная икра! А вот ещё и колбаса из холодильника приветливо

глядит: съешь меня, дорогой! А захочу – мясо пожарю, поскольку свинина ещё осталась после вчерашнего.

Я убрал со стола сковородку с остатками масла и прилипшим ко дну кусочком мяса и поставил её на подоконник. Подоконник у меня уже полностью заполнен грязной посудой и банку с солёными огурцами пришлось опустить вниз под окно. Сегодня же всё вымою... Потом...

Впрочем, коньяк пошёл плохо. Пришлось воспользоваться старым проверенным средством – тёплым огуречным рассолом. Он слегка подкис, но пить можно.

Ничего, помогает. Опыт не пропьёшь.

Я по одному доставал из холодильника принесённые вчера деликатесы и раскладывал всё на столе. А роскошно живём!

Всё хорошо, только вот вчера надо было мне в магазине чаю хотя бы пачку прихватить. А то этот пакетик, который я завариваю уже несколько дней подряд, уже не окрашивает кипяток, а скорее даже осветляет его. Белый батон с толстым слоем сливочного масла, с горкой красной икры сверху – и вся эта роскошь сводится «на нет» тем, что я запиваю всё это кипятком с сахаром, а не чаем. Обидно!

А почему бы мне сегодня не прогуляться? Не всю же оставшуюся жизнь - а сколько её у меня осталось?!- мне ходить в магазин, тащить еду в дом и нажираться здесь до отпада? Есть в жизни и другие прелести. Тем более, что холодильник у меня заполнен. Месяц можно будет жить. И бутылок с выпивкой я тоже много притащил. Можно и не затариваться специально. Приносить и складировать я буду, но не как самоцель, а как побочный эффект.

Сказано – сделано. Я вышел после завтрака из дома и отправился не в магазин, как прежде, а в сторону Невы. Грязную посуду я мыть не стал – успею ещё, никуда она от меня не убежит.

На Кадетской линии опять никого не было. Всё также уныло стояли посередине улицы автомобили, и тот же самый автобус застыл в развороте на перекрёстке.

Кругом чирикали птички, порхали голуби, гадя на лету, жужжали мухи и ласково грело солнце. Хорошо!

Я, не торопясь, отправился вдоль Кадетской линии к Неве. Давненько я не получал такого удовольствия от простого хождения по городу. Красив, конечно, Питер. Ничего не скажешь! Особенно он хорош, когда всех эвакуировали или похитили инопланетяне. Никто не спешит, никого не надо обходить и не надо бояться, что кто-нибудь даст тебе пинка, а такие случаи бывают. Не часто, но в нашей жизни бывают. Есть на свете подлюки.

А вот и Большой проспект. Кто это сказал, что жители Петроградки ходят «по Большому и по Малому», а жители Васьки – ещё и «по Среднему»? Кажется Антоха... Он вообще – кладёшь юмора! Такое выдаёт! Как это он всё выдумывает?

А я люблю Ваську. Вот тебе Нева со всех сторон, вот тебе Смоленское кладбище – всё что для жизни нужно, есть.

А что это у нас там – напротив через перекрёсток, в самом начале Большого проспекта? Не ресторан ли? Ресторан! А вот мы в него сейчас и нагрянем! Обслужите нас, будьте любезны!

Идея оказалась плохой. Уютный зал; столики, покрытые белоснежными скатертями; на скатертях красиво расставлена посуда с фужерами и бокалами. А никого нет и готовой еды, конечно, тоже нет.

Походил я вокруг этой красоты, плюнул из принципа в один из бокалов и высморкался в скатерть, и с чувством выполненного долга вышел на Кадетскую линию.

А вот здесь в этом доме жил дедушка Крылов. Как там у него?

«Скажи-ка дядя, ведь недаром...» и что-то там такое, что заканчивается тем, что Васька слушает, да ест.

Слышал я, что был он страшный обжора. И однажды пришёл с прогулки, а прислугу не застал. Зашёл в кухню и увидел в супнице пирожки. Взял супницу к себе в зал и стал пирожки есть. А тут и кухарка возвращается: «ах, батюшки! пирожки-то уже заплесневели, барин!»

Барин вздохнул, и ответил:

- Ну не помер ведь всё ещё? Что ж тогда добру пропадать?

И продолжил их доедать.

Да, вот такой был большой поэт.

А этот Румянцевский скверик я не люблю. Во время блокады зимой сюда складывали трупы блокадников, погибших на Ваське от истощения либо от холода. И парк Победы не люблю – там был крематорий, где сжигали умерших ленинградцев, а пепел по саду рассыпали. Тяжко всё это. У меня же дед блокадником был. Секретарь райкома. А бабка – оперная певица. Знаменитая. Так они в блокаду голодали, как все. Дед сумел как-то отца с его матерью, на Большую землю отправить и стал мой отец в эвакуации знаменитым художником. Космонавтов рисовал. И меня с собой брал. Я и с Гагариным был знаком. Отец рассказывал, что взял меня Гагарин на руки и говорит:

- Ох какой чудный ребёнок! Далёко пойдёт!

Я и пошёл...

А вот и Нева.

День-то сегодня какой хороший! Тёплый и солнечный. Чуть ветерок вдоль Невы гуляет. И это хорошо!

А вон – через Неву и Медный всадник на меня смотрит, пальцем тычет.

Пойду-ка я к нему через Дворцовый мост, что он там в одиночестве стоит? Без меня? Заодно и поболтаем.

Мосты, я надеюсь, не развели? Нет, не развели.

А зачем мне к Медному всаднику? Вот он, слева от меня – Зимний дворец с Эрмитажем. Когда я в последний раз там был? В марте тысяча девятьсот какого-то года. С кем я там был, я уже не припомню, но точно помню, что стоял такой же солнечный день, как и сегодня, и что по Неве плавали, сталкиваясь и налезая друг на друга льдины. Это был март. А я на них смотрел из окон павильона, где стоит золотой павлин - часы. И этот ледоход был красивее любой картины в Эрмитаже.

Так, где теперь вход в Эрмитаж? Раньше он был со стороны Невы, а теперь, говорят, с Дворцовой площади. Пройдёмся и мы по Дворцовой площади.

А пустая Дворцовая площадь производит неприятное впечатление. Надо зайти поскорее во дворец, а то вдруг серый волк выскочит? Шучу.

А вот и вход. Куда пойти? По парадной лестнице наверх, а там – куда глаза глядят.

Впрочем, есть план Эрмитажа, я по нему и ориентируюсь. Так. Вот план, а на нём...Ба! Да это же буфет! Прямоком надо отправиться в буфет, поскольку я уже слегка проголодался. Там – заглотишь какой-нибудь бутербродик и, кстати, попить нормального чаю или даже кофе.

Точно. Вот и буфет, а в его витрине лежат, охлаждаясь, бутерброды. Ждут меня. Здравствуйте! Я пришёл.

А я не буду здесь их есть – я возьму бутерброды с собой и съем их где-нибудь у Джоконды. А вот и открытая бутылочка коньячка есть. Французский! Я пил другой, с другим названием и с другой этикеткой. Возьму-ка я и его с собой, чтобы с Джокондой на брудершафт! А чтобы вообще быть кумом королю и сватом министру, я возьму с собой коньячный фужер. Перевернуть фужер и поставить его на горлышко бутылки коньяка, а бутерброды уложить вот в этот пакет – минутное дело. И тарелку одноразовую чистую туда же – я же в музее!

Так. Теперь поднимусь на второй этаж. На первом этаже Древний мир, а всякое рококо да брококо на втором этаже. Так, проходим мимо Малахитовой вазы и вот оно, началось.

Кто это? Джованни делла Роббиа. А дальше кто? Ба! Да это – старик Леонардо! Ну, здравствуй, давно не виделись. Мадонна с младенцем. Хорошенькая. И младенец упитанный. А вот ещё одна Мадонна с младенцем. Его

же. Постарела. И младенец изменился – там лысый, а здесь кудрявый. Годы берут своё...

А у нас, в православии – все Мадонны, то есть – Девы Марии, - на одно лицо. И младенцы все узнаваемые. А тут! Эх, распустили мы их!.. Шучу.

Что-то хочется закусить... А вот и Большой тронный зал. А не посидеть ли мне на императорском кресле? И не съесть ли мне, сидючи на троне, бутерброд с колбасой? Ни один император не мог себе это позволить. А я могу.

Трон не очень удобный, но если положить ноги на скамеечку, то ничего, сидеть можно.

А бутерброд всухую плохо идёт. Надо бы смочить горло. Ну и что, что я не хотел сегодня пить? Я – хозяин своего слова: захотел – дал, захотел – взял обратно. Глоток коньяка не помешает. Тем более – властителю всего мира, то есть – мне.

Да, коньячок хорош. Лучше водки. Теперь я водку пить не буду, только коньяк. Хотя... Вот если отварную картошечку, а к ней селёдочку с лучком, да сбрызнуть всё это уксусом и полить подсолнечным нерафинированным маслом, то коньяк точно не пойдёт. Точно. К такому идет только водка.

Отхлебнув коньяка из фужера, я убедился в этом.

К бутербродам коньяк ещё более или менее идёт, а к селёдке не подойдёт. Селёдка водку любит.

Дааа.

А, кстати, где этот самый павильон? С кукушкой из золота и часами? Надо бы его найти.

Вот он, родимый.

Да, хорошо тут. Светло как-то, легко и изящно. А вот и любимое моё место – ниша возле капельного фонтана или как его там называют? Когда я был здесь, всегда мечтал сесть в эту нишу на скамеечку и представить себя императором. Но нельзя было – всё-таки музейный экспонат. А сегодня можно. Я сам себе музейный экспонат.

Справа на скамеечке расположу тарелочку с бутербродами да фужер, бутылочку живописно расположим чуть поодаль. Ну чем тебе не натюрморт? Так. Наливаем, выпиваем. Эх, хорошо! Мечты сбываются!

Так с кем я тут был в последний раз в марте какого-то года?

Я напряг свою память и вспомнил. Это была она. Как её звали-то? Не помню. Она была высокой брюнеткой с приятным открытым и симпатичным лицом. В эрмитаже была какая-то выставка и она меня на эту выставку потащила. А заодно мы и по другим залам прошлись. И я подошёл к окну и увидел из окна эту красоту – синее весеннее небо, чёрная Нева, вдали светится

на солнце Петропавловка, а по Неве, сталкиваясь и громоздясь друг на друга, ползут ослепительно белые льдины...

А ну-ка, подойду-ка я к тому же самому окну... Вот оно. Но что-то оно стало не прозрачным. Жаль – картинка смазана! Чем они окно замазали? Не понятно!

Так! Что там у нас с коньяком? Есть ещё и довольно много. Надо глотнуть.

А вот здесь слева – на крыше, - был императорский сад. Государь тут изволили дышать свежим воздухом, а императрица с детьми сажала тут картошку, морковку и огурцы. А что? Удобно! Сидит так себе император возле кукушки с часами, а тут к нему его помощник, какой-нибудь Бенкендорф заходит, так, мол, и так, говорит. Ждёт вас ваше императорское благородие американский посол...

Стоп! А он был разве благородие? Скорее «императорское высочество». Или «величество»? «Высочество» - от высоты, а «величество» - от величия. Скорее всего, «величество».

Итак, заходит так эдакий Бенкендорф с бакенбардами и говорит мне:

- Ваше императорское величество, американский посол ждёт аудиенции.

- Ах, это американский посол?! Это ж они, подлецы нам на Майдане устроили, а? Украину у меня оттяпали? Пиндосы! Жили, не тужили, сало вместе лопали, а тут раз тебе – и Майдан! Нечего перед ним заигрывать! Пусть подождёт!

Беру я так фужер с коньяком - надо налить, - вот так беру его и выхожу в сад. Отлично, дверь открыта, и я выхожу в сад. А тут кроме огурцов с помидорами ещё и слива растёт. Я так подхожу к сливе, срываю самую спелую ягоду, задумчиво выпиваю коньяк и закусываю сливой. Сливы нет, но можно себе представить – как это вкусно.

А Бенкендорф за мной хвостиком:

- Ваше величество, а Ваше величество! Ну не удобно же! Уже три часа ждёт.

- Три часа ждёт? Пусть ещё подождёт! Крым наш пытались оттяпать? Пытались! Спасибо Путину – не отдал! И Боинг эти украинцы сбили! А на нас всё сваливают! Я им покажу, как цветные революции по всему миру устраивать! Пусть ждёт! А впрочем, давай-ка его сюда, зови! ... Аааа! Пришёл, гадёныш? Ты перед кем стоишь и перегаром дышишь? На колени! Быстро на колени! Вот так! Россия великая наша держава. А ну целуй ноги! Вот так! А теперь левую облобызай. Плохо лобызаешь. Лобызай тщательнее! Вот так. Понял теперь, как с Россией связываться? И всем скажи, что с Рос-

сией дела плохи! Мы всех на колени поставим! Будете знать, как тут, понимаешь, всякое затевать... Ладно! Иди с богом!

А он на коленках задом шмыг в дверь и бежать к своему Сенату, мол, натерпелся я у русского императора страху, надо сдаваться... Вот и сдавайтесь.

А потом я так сажусь обратно на скамеечку, и продолжаю выпивать...

Даааа. А погода классная стоит. Не пойти-ка моему императорскому величеству на воздух, погулять? А ну его, этот музей! На дождь оставлю.

Теперь куда? На Невский? Через арку к дому Елисеевых.

Вот он. Говорят, что здесь в первые годы советской власти жили все советские писатели: Олеша, Катаев, Чуковский, Маяковский. Кто ещё? Кто-то ещё! А ещё тут был кинотеатр. А теперь его нет.

А что это я иду по тротуару? Никого же нет! Пойду посередине дороги. Вот это красота! Сзади – шпиль адмиралтейства, впереди – стела у Московского вокзала. А по бокам всё исторические места!

Вот здесь слева Чайковский после концерта выпил стакан сырой воды и через три дня умер от тифа. А вот тут справа – дворец Строгановых. Чем они занимались, я уже не помню, помню только, что один из них изобрёл бефстроганов. Это когда берёшь говядину, режешь её полосками, обжариваешь на масле, добавляешь туда лук и помидоры – и блюдо готово. Да, кажется, туда ещё мука подсыпается.

А вот здесь слева был когда-то книжный магазин «Военной книги». Теперь тут какая-то едалищная. Всё проели! И пропили! Всю Россию!

А вот напротив был рыбный магазин. Теперь тут одежда, а жаль! В этом магазине я однажды купил килограмм залома. Это такая каспийская сельдь – вкуснейшая! Жирная, сладкая, сочная! Говорят, исчезающий вид. Вот я последнюю селёдку и съел! Исчезла. Никогда больше я её и не встречал.

А вот и Казанский собор! А по его сторонам Кутузов и Барклай де Толли. Надо выпить.

Э! А пакет-то с бутербродами и фужером я в Эрмитаже оставил! Эх, тятя-растяпа! А бутылка вот она – в кармане!

Да! Опыт не пропьёшь!

Всё могу забыть и потерять, а бутылку – никогда! На автомате с собой возьму, не потеряю.

Ладно, по старинке – из горла.

- Ну, Кутузов и Барклай, будем здоровы!

Дааа. Конечно, когда пьёшь коньяк из фужера, то совсем другой колленкор. Надо будет фужер раздобыть. Не возвращаться же назад? А! тут же недалеко Гостинка. Вот там фужер и раздобуду.

Так. Идём по Невскому прямо, правда, слегка пошатываясь, но совсем слегка. А хорошо!

А слева у нас Спас на Крови. Не был в нём ни разу. Он же был всё время закрыт. А когда его открыли, у меня уже и интереса к нему не было. В следующий раз зайду. А вот тут вход в Малый зал филармонии...

Светка! Точно! Её звали Света! Вот здесь мы с ней и познакомились.

Это было поздней осенью. Я почему-то был здесь – кажется вышел из метро и наткнулся на неё:

- Не хотите пойти на концерт? Моя подруга не пришла, а билет пропадает. Я его вам так отдам, бесплатно.

Знаем мы, как это подруга не пришла! С парнем познакомиться надо. Вот и подруга не пришла.

- Нет, - говорю, - даром мне билет не надо. Я его куплю. Сколько он стоит?

Кажется, стоил он копеек сорок.

Концерт был фортепьянным. Пожилая тётка играла всяких там Бахов и Листов. Это тебе не «Самоцветы», но тоже ничего.

В антракте мы с ней поболтали. Я сказал, что учусь в Горном, а она – что в ЛГУ. После концерта я проводил её до дома – она жила в Свечном переулке. Взял у неё телефон и стали мы с ней встречаться. Это она была в марте месяце в Эрмитаже, когда я застыл у окна, глядя на ледоход.

- Смотри, Света, как красиво!

Она посмотрела в окно, затем – на меня и, слегка улыбаясь, ответила:

- Да ты, Лёша, романтик!

И в глазах её я увидел нечто, похожее на любовь.

Да, я романтик...

Эх! Надо выпить!

Хорошая была девушка. Но – повёрнутая на театрах и музеях. В кино она не очень любила ходить, хотя, как сейчас помню, повела меня куда-то на Староневский смотреть фильм «В четверг, и больше никогда». Занудятина какая-то. А она смотрела, не отрываясь, на экран. Забавно.

Когда мы с ней вышли из кинозала, она мне сказала:

- Гениальный фильм, правда?

- Нет, - говорю, - не правда. «Сыновья большой медведицы» лучше.

Она на меня так посмотрела, как будто в первый раз в жизни увидела, и тихо произнесла:

- Какой ты всё-таки тёмный!

И всё. Так дело и не дошло даже до поцелуев. Всё после этого ей было некогда со мной встречаться, а потом она мне откровенно сказала, что ей со мной не интересно. Так что – встречаться мы больше не будем. А я её уже начал любить. Переживал я некоторое время, а потом всё прошло.

Я её видел несколько лет назад на Ваське возле метро. Мы у ступенек встретились глазами. Глаза её, как в любимом ею театре, отразили смену чувств:

- незнание,
- узнавание,
- изумление,
- отвращение,
- презрение.

И она прошла мимо. И я к ней не обратился. А зачем? Всё прошло, как прошла она мимо меня.

Эх! Надо выпить.

Кто знает? Если бы мы тогда не расстались, то может быть, и жизнь моя была совсем другой. Жил бы я с ней на Свечном переулке, нарожала бы она мне детишек, ходили бы мы всей гурьбой по театрам и музеям. По воскресеньям готовила бы она по утрам мне, как отцу семейства, блинчики с маслом. Был бы я толстый и ухоженный.

Да...

Уже поздно. Надо бы поужинать. А зачем мне возвращаться для этого домой? Имеет смысл зайти в любое кафе. Как я понимаю, все двери всех заведений для меня открыты. А в кафешках в витринах–холодильниках много всего съестного! Так оно и есть. Вот кафе, а вот и всякие салаты да с котлетами.

Котлету с жареным картофелем отправляем в СВЧ и подогреваем. Берём каждого салата понемногу, но так, чтобы была полная тарелка. И компот!

Дааа. Хорошо. Салаты свежие, будто их только что нарезали.

Нет. Коньяк оставим на потом.

Ага! Это дзынкнула печка. А вот и котлетка горяченькая с картофелем.

А давненько я котлеты не ел! Всё макароны да макароны...

А теперь – компот. И компот я в последний раз пил в институтской столовой, когда ещё работал. Я ведь после Горного был направлен по распределению в НИИ Гипрошахтстрой. Хотел на распределении попроситься куда-нибудь в Воркуту или Донецк, там деньги хорошие платили, да как-то не решился. Предложила мне комиссия этот НИИ, а я, мямля, и согласился. А сказал бы: нет! в шахту хочу! – глядишь и был бы сейчас при должности и при деньгах где-нибудь там.

А если бы в Донецк поехал? Сейчас там война. Жители Донбаса от укроповцев защищают свои дома и семьи.

Я бы сейчас был бы там полковником ополчения. Как мой батя. Он был десантником. Сам Маргелов его боялся и уважал. И фамилия моего отца всей десантурой до сих пор с уважением произносится. А в день десантника я хожу и каждый десантник за честь считает налить мне стакан.

Дааа. Если бы пошёл я на шахту, был бы я к началу войны уже начальником рудника. А тогда всех бы шахтёров своих построил и сказал бы им:

- Вот, братья и сёстры! Живём мы тут себе, горя не знаем. А тут америкосы устроили нам Майдан и всех нас хотят в НАТО загнать. А оно нам надо?

- Не надо, батя! – Хором бы мне ответили мои работяги.

Да, надо фужер взять и коньячку налить, раз такой разговор пошёл. А вот и лимончик для закуски. Лимонном коньяк закусывают, я это знаю.

Так. На чём я остановился? А! Тогда я им и говорю:

- Так что, братья, давайте создадим войско самозащиты.

А они мне в ответ:

- Создадим! Но только если ты будешь нашим командиром, полковником!

А куда деться? Я соглашаюсь. Тогда мы снимаем с пьедестала Т 34, ремонтируем его (это я по телику видел), и в бой с националистами. Там меня ранят. Не тяжело. Пуля навывлет, ничего не задела, но я весь перевязанный такой. А тут российское телевидение меня показывает. Вот, мол, смотрите какой герой! Ну Путин, само собой разумеется, меня Героем России назначает и генералом делает, мол, такие герои нам в нашей армии нужны! Приезжаю я в Питер, а меня в аэропорту с цветами и с оркестром встречают. Тут Светлана, узнав, что я такой герой, сквозь толпу встречающих прорывается и с цветами ко мне на шею – прыг.

- Прости, - говорит, - что не распознала в тебе героя. И тогда у метро прошла мимо тебя. Я теперь всё поняла и хочу быть твоей. Будь всё время со мной!

А я ей так с достоинством и отвечаю:

- Простите, Светлана, не знаю, как Вас по отчеству, но всё прошло. А потом, оглянитесь вокруг – вон сколько молодых девушек хотят, чтобы я был их мужем! Так что – становитесь в очередь, может, когда и дойдёт?..

А тут самые красивые девушки мира вокруг меня толпятся, всё ради меня. И на всё ради меня готовы. А я отбираю двух самых красивых из них и в Сестрорецкой санаторий с ними – здоровье поправлять!

А мне, как герою, трёхкомнатную квартиру дают на Невском проспекте – вот здесь, в этом доме, - личный автомобиль с водителем и государственное обслуживание.

А лучше не квартиру, а старинный особняк на берегу Финского залива в районе Комарова. И я там живу и в ус себе не дую.

Дааа. Наверное, рисовать бы начал, как отец. Он же у меня известный художник баснописец. Я по его стопам пошёл и в детстве хорошо рисовал! Мои рисунки на выставках висели. В школе по рисованию пятёрка всегда была.

И в Горный я пошёл не только потому, что конкурс туда был не очень большой, но и потому, что рисовал хорошо. У меня и по начерталке пятёрка была, и по деталям машин. И плакаты диплома у меня были лучшие. Вон как я разрез изобразил! Комиссия залюбовалась. Потому и в НИИ пошёл, чтобы рисовать.

Дааа. А мог бы в художественное училище пойти или академию. И был бы я знаменитый художник. Жил бы как Репин – в особняке, с огромной мастерской, картины бы рисовал и по всему миру бы катался. А тут тебе и Рокфеллеры, и Буши – все хотят, чтобы я их портреты нарисовал. А я им: нет, ребята! В очередь. У меня все портреты расписаны по годам. Нужно вот портрет Путина нарисовать. Он, в отличие от вас, Россию с колен поднял.

Затем надо нарисовать портрет его жены с детьми. И собачку сбоку.

Далее – Сечин, Шойгу и другие.

А Медведева рисовать не буду. Плохо он страной руководит. Плохо. Вон - цены растут, а доходы падают. Нищает наш народ, товарищ Путин!

- Да? – Отвечает он мне. – А я и не знал!

Снимает он Медведева и меня ставит премьер-министром.

Переезжаю я в Москву и живу в Кремле. Причём я такой демократичный: в обед выхожу из Кремля в столовую на Арбате, и сразу - к народу. А народ меня любит, вокруг меня толпится, прошения подаёт. А я со всеми просто разговариваю и прошения тут же решаю на месте.

- Что? Зарплаты маленькие? Выдать всем больше затраты! Пусть народ живёт богато – жалко, что ли? Напечатать ещё денег, если всем не хватает! Квартир не хватает? А ну-ка быстро построить всем новые квартиры!

И живёт Россия, процветает. А тут Путин и говорит мне:

- Алексей Семёнович! Вижу я, что в тебе не ошибся. Хочу уйти на покой – поеду в Красную поляну, буду там на лыжах кататься. А тебе – страну оставляю.

Я, конечно, посопротивляюсь, но соглашусь. И буду президентом России. И все страны захотят со мной дружить. Американцы – раз, и от Украины отвалят.

А украинцы скажут:

- Мы всё поняли. Американцы хотели нас поссорить навек, но Вы, Алексей Семёнович, открыли нам на всё глаза. Примите нас в состав России.

И я их принимаю.

А за Украиной – Беларусь, затем Казахстан и все остальные республики. И все в Россию. Нет! Советского Союза не будет! Будет Россия с республиками в её составе. Вот только прибалтов не возьмём обратно. Будут проситься, слёзы проливать, а я им:

- Нет! Поздняк метаться! Кто первым воду замутил с независимостью? Не вы ли? Вы! Так что – живите себе независимыми и к нам не суйтесь.

И процветает тогда Россия. Весь мир её боится и уважает! ООН становится нашим органом. И тогда через некоторое время войны прекращаются, наступает мир во всём мире. И все люди: вот какой у нас президент - я, то есть. Везде мне памятники ставят, портреты вывешивают. А я узнаю об этом и велю их снять:

- Ну, зачем это вы так? Я же не для портретов и памятников служу! Я ведь для народу, для всего мира!

И тогда все народы мира объединяются в одну страну, и я её первый в мире президент. А что? Легко! Все бы у меня жили счастливо.

И вот пришла пора умирать. Мировая скорбь. Все рыдают, рвут на себе волосы...

А тут Светка ко мне приходит. Постаревшая уже с морщинами, седая. А вокруг меня красивые девушки – ухаживают они за мной.

- Эх, Лёха! – Говорит она мне в отчаянии. – Упустила я тебя! Простишь ли ты меня?

- А вот сейчас коньяк допью, и посмотрим...

Какая гадость! Опять с утра голова тяжёлая. Обещал ведь – не пить много! А может быть, я действительно алкоголик? И мне надо лечиться? А кто меня тут вылечит, если кругом море выпивки и преотличнейшего закусона? Впрочем, всё равно, надо постараться знать меру и не переходить её. Взять так за правило: выпивать не больше, чем полбутылки в день. Так вот просто брать и карандашом черту по этике проводить – дошёл до черты, остановился, перешёл на воду.

Кстати, что там – за окном? Народ не появился? Нет. Всё тихо. Только вороны каркают и воробьи чирикают.

А может быть... Я ведь весь мир проклял и послал всех людей к чёрту. А Бог всё-таки есть. Вот он меня услышал и за мои мучения всех убрал из этого мира, а меня одного оставил:

— Вот тебе, Лёха! Много ты по жизни страдал. Теперь – весь мир твой. Поживи, отдохни. Почувствуй себя человеком. Человек – это звучит гордо. Вот и звучи, пока не надоест.

Точно! Если бы был Чернобыль под Питером, то я бы давно копыта откинул. А если бы инопланетяне всех забрали, то они бы с собой жратву и выпивку захватили, хотя бы для того, чтобы пленников кормить и поить, а всё это осталась в изобилии. Ну что ж? Наверное – это мне шанс начать жизнь по-новому. Так что сегодня я вообще не пью. И вообще – надо сходить в церковь. Я, правда, и креститься-то толком не умею. Но главное ведь не в том, чтобы уметь там всякие молитвы бормотать, или правильно крестное знамя на себя накладывать. Главное – в душе.

Уже в середине 90-х я ехал в командировку в Апатиты. Институт меня туда направил – надзор за исполнением нашего проекта. Я был самым молодым, вот меня и послали.

А в купе ехал молодой православный священник. Подошло время ужина, и он достаёт из своего чемодана шматок копчёного сала и бутылёк. Я ему и говорю:

- Батюшка, а разве сейчас не пост? Разве можно есть сало? Это же грех большой!

Он так посмотрел на меня благодушно и отвечает:

- Сын мой! Дело не в том – пост сейчас или не пост. Бог всемилостив, он простит. А главное – это вера в него, в то, что он простит тебя.

Мы с ним и с двумя соседями тогда хорошо в купе посидели. У каждого с собой что-то было – пирожки, отварная курица и т.п.

Да...

Пойду сегодня в церковь и очишусь.

Искупавшись, я одел на себя чистое бельё и чистые одежды.

Вообще-то чистыми их можно назвать условно – я сначала просто замачиваю грязное бельё в воде с хозяйственным мылом, а затем пошамкаю чуть-чуть бельё в воде, грязную воду сливаю, а затем несколько раз в проточной воде одежду и бельё промываю. Выжимаю и сушу. Всё. Гладить мне рубашки не зачем – не в гости же ходить?

Так что бельё в некотором смысле чистое, но совсем потрёпанное и изношенное.

А ведь поизносился я! Надо будет сегодня обновить гардероб – ведь весь мир мой.

Позавтракаю как король, и отправлюсь за обновками в Гостиноку, а потом с чистыми одеждами – в церкву.

Чёрт побери! Чая опять нет! Забыл вчера взять! В буфете Эрмитажа он ведь был! В пакетиках. Бери – не хочу! Опять придётся кипяток с сахаром пить! Не забыть, когда буду менять одежду, где-нибудь чай взять. Можно в пакетиках, не обязательно листовой. Хотя листовой лучше. Правда, у меня и заварного чайника нет. А заодно надо будет и чайник заварной домой притащить.

Сегодня день хороший, солнечный. Позавтракав, я отправился в Гостиный двор – одевать новые одежды и начинать жизнь по-новому.

Идём по старому маршруту – мимо Кунсткамеры, через Неву, а далее по Невскому.

Дааа.

А вот и Малый зал, где я со Светкой познакомился.

После неё я встречался со многими девчонками. Со многими даже целовался. А со Светкой - нет.

А одна, имя её забыл, когда мы целовались, сурово так сказала, оторвавшись от поцелуя:

- Поцелуй без любви – пустой обмен слюнями.

И опять полезла целоваться.

Молодые были, всего хотелось. И из всех девчонок, с кем я встречался после Светы, только с одной и вышло у нас – и женился я на ней.

Алла. Закончила торговый техникум, работала продавщицей в продмаге недалеко от родительского дома. И я с ней познакомился в магазине, подружился, загулял.

Эта была попроще. Куда я её поведу, туда она покорно идёт, хлопая восхищённо на меня ресницами. Поначалу я, было, пошёл с ней в Большой зал филармонии на Моцарта. Рефлексы сработали после расставания со Све-

той. Алла была поражена – зал красивый, роскошный, публика вся в галстуках и декольте, кресла красные, люстры хрустальные ... Но от музыки она откровенно скучала. Как и я. Хотя и Моцарт был. Света меня таскала на всяких там Шнитке и Шостаковича. Тяжко мне было. Моцарт – другое дело. Весело, легко. Но ни мне, ни Алле после этого ещё раз на такую музыку не тянуло.

Затем я повёл Аллу в кино, а это – совсем другое дело. И про любовь, и про войну, и про индейцев – всё ей нравилось.

Начались держания за ручки, поцелуйчики, обнимашки... А однажды она мне и говорит:

- Родичи мои уехали в отпуск, а старшая сестра в Москву уехала на пару дней. Может быть, останешься у меня ночевать?

Я позвонил родителям, что-то им наврал по поводу расчётов по дипломному проекту и остался у Аллы на ночь.

Дааа. Это было здорово. Первая брачная ночь. Ей хотелось, и мне хотелось. А ни она, ни я ничего не умели. Но всё получилось. Первый раз – не очень, а потом – всё лучше и лучше. И всю ночь я не смыкал глаз, совершенствовался, а Алка мне помогала как могла. Только под утро мы с ней заснули в изнеможении.

Дааа.

А когда проснулись, тут я почувствовал, что как честный человек обязан сделать ей предложение. Сделал и она тут же согласилась. Поженились. Может быть, если бы не будущая свадьба, то поехал бы я на шахту куда-нибудь. Потом её приватизировал и стал бы сегодня как Дерипаска – богатым и счастливым. А так – в НИИ попросился на 145 рублей зарплаты...

Алла уже была беременна после нашей первой ночи – ведь ни она, ни я ничего ещё про безопасный секс не знали! И родила она в положенный срок мне Лизоньку. Я хотел, было, назвать дочку Светланой, но жена сказала:

- Какая ещё Светлана? У нас отроду никого светленьких не было. И у тебя, как я знаю – тоже никого. Так что пусть будет Елизаветой.

Родители свою квартиру нам отдали, поскольку к тому времени уже на пенсию вышли, а сами уехали к моей старшей сестре в Омск. Надя там построила хороший жилой зимний дом на даче, и родители переехали туда. Там и внуки рядом с ними, так что – всё у них хорошо.

Мы с Аллой в родительской двушке первое время жили хорошо. Ругались, правда, часто по пустякам. Так это – её характер, чуть что не так – сразу же орать начинает. Ну не нравится тебе, что я посуду после себя не помыл, так подойди и тихо скажи:

- Лёша, иди и помой посуду после себя.

Так нет, сразу орать:

- Да сколько можно! Это невыносимо! Каждый раз после себя посуду грязную оставляешь! Да что это такое! Привык при мамочке своей в свинарнике жить, так и здесь свинарник разводишь!

А что моя мамочка? Она же на заводе у станка работала. Вечером придёт, пока нас покормит, пока то, да сё, когда ей посуду мыть? Отец также усталый придёт с того же завода – работа у него тяжёлая, физическая. У станка. Потому они меня в институт и нацелили, чтобы я умственным трудом занялся, а не физическим.

Ну и что? Утром просыпаемся, кто первый на кухню вышел, тот и моет посуду. Мама-то чаще всех и мыла её, пока нам завтрак готовила.

И именно мамочка моя решила нам двушку оставить, а сама с отцом в Омск перебралась. Молиться на неё надо, а она всё про мою мать гадости кричит. Тут уж никто не выдержит. И я ей в ответ про её мамашу всякого накричу. И папашу припомню. Тесть - ещё тот жук!

Да...

А вот и Гостинка. Пойдём, посмотрим, что Гостинка сегодня трудовому народу в моём лице предлагает. Будем брать всё самое дорогое. Вот – костюмы. Хорошенький. Ого! Ничего себе цена! А я могу себе позволить. Хотя... А зачем мне костюм? Я что – в театр в нём пойду? Нет! В театре пусто.

Мне нужно взять хорошую крепкую рубашку, чтобы сносу не было, и брюки. А заодно поменять трусы и носки. Да и обувь надо подобрать. Эти-то удобные, давно форму стоп приняли, но дырявые и облезлые.

Начну-ка я с рубашки. Берём самые дорогие. Вот эту. Красивая. Белая с воротничком да с синими отворотами.

Десять тысяч???? За что? Вот народ оборзел! Десять тысяч за рубашку! Да на эти десять тысяч я целый месяц жил бы припеваючи. Ну и ну!

Нет! эту я одевать не буду из принципа. К тому же она белая и быстро на мне испачкается. Вот эта – коричневая. Нормально. И не дешёвая, не десять тысяч, правда, а шесть, но зато носить её можно, не стирая.

А вот и брючки к рубашке. Подходят. Типа - джинсы. Кэмел какой-то, как сигареты.

А пожалуй, я начну одеваться всё же с трусов. Свои – долой, всё равно никто не смотрит! А какой у меня размер? Не помню. Будем подбирать методом проб и ошибок. Так. Вот и нашли размер – М. Сидят, как приклеенные. Возьму-ка я ещё пять пар – хорошие ведь трусы! Нет, десять.

Теперь можно свои носки выкинуть, а эти новые одеть. Возьму их десять штук, чтобы стирать надо было не так часто.

А теперь – одеваю брюки и рубашку. Ну вот – красавец.

А посмотрю-ка я на себя в зеркало – полюбуюсь.

М-дааа. Видок не тот. Одежда ладная, сидит хорошо, но физиономия!.. Физиономия испитая.

Правильно говорит про меня соседка по коммуналке Ленка - красotka: «синяк». Всё-таки непрерывное пьянство и плохая еда сказываются на виде морды лица.

А поскольку мне дали шанс пожить в своё удовольствие, то надо теперь вести здоровый образ жизни. Или же не пить вовсе, или же пить чуть-чуть и что-нибудь безвредное. Пусть морда придёт в божеский вид. Кстати. Не забыть в Казанский собор на обратном пути зайти – богу помолиться.

Теперь надо подобрать обувь – к штанам и носкам. Судя по запаху кожи, обувь у нас находится на первом этаже. Да, вот она. Какой у меня размер-то? Сорок второй, кажется. А вот и туфли. Скорее кроссовки. Такие походные, с рифлёной подошвой, кожа мягкая. Одну. Класс! Стопы как будто утонули в поцелуе девственницы.

Дааа. Всё-таки дорогая обувь, это то, что надо носить. Надо взять ещё – вдруг инопланетяне людей вернут обратно? Нужна сумка.

А вот и сумки. Тут же, в обуви.

Возьму самую дорогую сумку. А лучше - рюкзак. Вот этот. Кожаный, дорогой, лёгкий с разными отделами внутри и кармашками снаружи – самое то. Дорогой. То – что надо. Отлично всё поместилось! И ещё место для всякой всячины осталось.

А что мне ещё в Гостинке нужно? Не знаю. Пройдусь просто так – поглазею. Давно я здесь не был. Может быть, что-то нужное и найду.

Помню в конце 80-х годов над Гостинкой висели большие неоновые буквы: «ГОСТИННЫЙ ДВОР». И однажды буква «Д» перегорела. И несколько дней на Невский смотрела вывеска «ГОСТИННЫЙ ВОР». Весь Ленинград об этом судачил.

Ох и здорово тогда в советские-то годы за это кому-то влетело!

А тогда по-другому всё было в Гостинке.

Сейчас как-то светлее и наряднее стало. Может быть – стены покрасили?

Так! Миль пардон! Это что у нас? Товары для туризма? Это здесь походные складные стаканчики да фляжки продаются? Тогда нам сюда.

Фляжка-то мне не нужна, а вот походные стаканчики, складные ножи с вилками и ложками – это то, что нужно! Хороший ножик. А тут ещё и штопор есть? В рюкзак этот походный нож со штопором и вилками!

Складной стульчик... Вещь! Но зачем он мне? Или вот – непромокаемая куртка. Шикарная! Но в Питере сейчас почти жара – 25 градусов.

Зачем я буду таскать с собой эту куртку? Когда она мне понадобится, я найду сюда и возьму. А пока – складных стаканов и походного ножа со штопором хватит. Штопор – вещь необходимая. Я ведь иду по Питеру, надо с собой всегда будет запас тащить на всякий случай. В рюкзаке пусть и будет всегда нож и стаканчики раскладные. А то – если что, чем открывать бутылку? Тоха, правда, умеет как-то выбивать пробку, стуча по её дну. Говорит, что надо книжку толстую к стенке приложить и по ней стучать дном бутылки – так пробка и выскочит. Говорит, что лучше всего для этого «Капитал» Маркса подходит. Это они в финэке проходили.

Но я только штопором и могу открывать бутылки, так что без него сложно. Это – на будущее, мало ли что?

А стаканчики складные – вещь замечательная в умелых руках.

Помню, как появились эти стаканы у нас впервые ещё в советские годы. Отец с заводскими поехали на рыбалку на Ладогу и меня с собой взяли. Ехали на заводском автомобиле в кузове. Мне было очень интересно – всё впервые. Ехали долго. Пол пути ехали по какой-то грунтовке. Нас то и дело подбрасывало на сиденьях. Ничего, смеялись.

Приехали засветло, быстро поставили палатки. А мне, чтобы я не маячил перед глазами, дали удочку и посадили на берегу рыбу ловить. Какую-то плотву я и ловил. Потом мужики накачали лодки и пошли ставить сетки в камыши. А уже под вечер поплыли их проверять. И привезли с собой крупных лещей, крупную плотву, окуней – чуть ли не ящик рыбы.

Давай её чистить и разводить костёр. Воду в котёл зачерпнули из Ладоги и поставили варить уху. Уха была тройной. Вкусная, с дымком и с комарами, которые туда попадали от дыма. Комаров было много, а средства от комаров ещё не изобрели. Кусали. Одно было от них спасение – голову в дым от костра засовывать.

Быстро сколотили из досок, которые были с собой, стол, расположились вокруг него с металлическими мисками и с ложками, наломали крупными кусками чёрный хлеб и притащили котёл с ухой, который поставили на середину стола. А рыбу выловили из котла и разложили в огромную эмалированную миску.

Отец сбегал к озеру, вытащил из воды сетку, а в сетке охладилась водка. Одну притащил к столу и тут дядя Федя достал эти пластиковые складные стаканы розового цвета, мол нечего по старинке из кружек пить! Вот это – цивилизация. Снял крышку со стакана, дёрнул рукой вниз, держась за его дно, а он и разложился в стакан. Всем понравилось! Научно-технический прогресс!

Поднёс стакан к бутылке водки и говорит моему отцу:

- Наливай-ка!

Понравилось это мужикам – а было рыбаков человек пять, что ли, - все давай стаканы раскладывать, размахивать руками. Разлили в стаканы холодную водку, в миски каждому налили ущицы, и дядя Федя сказал тост.

Взяли рыбаки стаканы, как и положено, за доньшки, чокнулись дружно, а стаканы возьми – и сложились. Вся водка-то и пролилась! Ух, как тут дяде Феде досталось! Чуть не убили его! Стаканчики сгоряча в костёр-то и побросали. Хорошо горели. И есть от чего прийти в отчаяние – до ближайшего магазина далеко, да и ночь уже настаёт, а бутылки все на пересчёт.

Отец сбегал за второй бутылкой к озеру и её уже разлили по старинке – по кружкам. А дяде Феде не налили – в наказание! Но потом уже, - после третьей - сжалились и налили ему тоже.

Потом на заводе долго этот случай вспоминали, а дядю Федю обзывали «Разливайка». Он не обижался. Такой был народ.

Да...

А вот и часы! Часов-то у меня и нет! И давно нет! Свои я за две бутылки пива отдал. Ещё отцовские были. Отставали в сутки на пять минут. У меня в то время был жуткий сушняк, и я у одного прохожего выклянчил две бутылки пива в обмен на эти часы. Потом, конечно, жалел об этом. Хотел найти того мужика, да где там! И след простыл.

Берём самые дорогие часы. Вот эти. Дорогие! Почти сто тысяч! Нет, не удобные - тяжёлые и слишком много всяких циферблатов и стрелочек. Конечно соблазнительно сто тысяч на руке таскать, но мне бы что-нибудь полегче. Вот эти подойдут. Ходят. На батарейке. Швейцарские, кажется. Да, точно швейцарские – вон на ценнике написано. И тоже дорогие, но не как те. Что ж! Буду щеголять во всём новом и в швейцарских часах!

Так, а сколько на моих швейцарских натикало? Ба! Да уже шесть часов вечера! Вот время-то в магазине летит! Особенно когда тебе всё доступно, и ты можешь взять любую вещь, а потому выбираешь! А ведь я ещё и не пообедал сегодня. Придётся совместить приятное с полезным – ужин с обедом.

А где мне поесть? Домой возвращаться не охота. А тут на Садовой – вон сколько всяких кафе! Зайду....

Шикарно! Вся витрина в пирожных! Я и названий таких не знаю! Знаю вот эклер, заварное пирожное и трубочку с кремом.

А вот и пироги: с капустой, с рыбой, с мясом, с грибами! Уууу! Давно я пирогов не ел! Так, по кусочку каждого пирога на тарелку и за стол. А записать буду – пепси колой. И кока колой. Хорошо! Вкусно!

Даааа. Красиво жить не запретишь. А нет ли тут чего посерьёзней колы? Вон стоят какие-то бутылки в буфете...

Но нет! я дал себе зарок не пить... Сегодня... Пока что... Да и в церковь надо трезвым прийти.

Хотя рюмочку чего-нибудь для аппетита можно и проглотить. Бог не обидится, простит.

Я тут же почувствовал щемящую сладость в животе. Так всегда бывает в предвкушении выпивки. Но нет. Не буду. Да и перелезть через стойку буфета за бутылкой не хочется. Разве что на обратном пути, когда выходить буду. Уже не для аппетита, а на посошок.

Вот сейчас последний кусок пирога доем и всё. А пирожные? Нет. Они пирогам помеха. В следующий раз...

Вот теперь после еды рюмочку-другую можно и пропустить.

Хотя, может, обойтись?

Ведь хотел же не пить? Ну ладно. Чуть-чуть ведь можно. Так просто – для проформы...

Вот это, кажется, ром. А ром ведь я ещё не пил? Пил, но другой. Значит, это судьба. А от судьбы не уйдёшь! Если бы это была водка или, скажем, коньяк, то можно было бы и пройти мимо, поскольку я решил жизнь начать по-новому. Тот ром, который я пил, был белый, а этот – коричневый. Такой ром я ещё не пробовал. Да и покупки обмыть надо, чтобы им сносу не было. Так, между прочим, принято. И не мной заведено. Это – народная мудрость.

Беру со стойки фужер. А вот теперь можно и что-нибудь сладкое на закуску. Вот, например, это – нечто с фруктами: малина, клубника и что-то там ещё зелёное. Персик что ли?

Ну, попробуем. Итак: за обновку!

А тёмный ром лучше светлого! Мягче идёт. А теперь – сладкое. Дааааа. Хорошо!

А тепло-то по жилам потекло!

Хорошо сидим! Вот тебе красивый стол, вот тебе фужер и бутылка рома. Как там? Йо-хо-хо! И бутылка рома!

Так. Ещё в фужер рома надо добавить. А так ничего себе – ром закусывать фруктами в тесте.

Я посмотрел в окно. Солнце уже село за здание Гостинки и подсветило его жёлтые стены каким-то особым ласковым оттенком. Хорошо, душевно...

А поговорить не с кем!

Дааа.

Конечно, под такую выпивку и здесь, сидя у окна, с видом на Садовую, хорошо бы поговорить за жизнь с кем-нибудь.

А ведь друзей-то у меня и нет. Так – собутыльники. Друг это... Ну это, наверное, тот, с кем можно по душам поговорить. Кто поможет всегда. Хотя

нет. Друг – это тот, кто тебя понимает. Вот так вот сидеть здесь у окна с таким другом, говорить с ним ни о чём, а он тебя понимает.

Дааа.

Или молчать. А он всё равно тебя понимает.

Однако, что-то меня немного развезло. А мне ещё до дома дойти надо. Проблем, конечно, нет. Но могу ведь споткнуться, упасть. И никто-то меня не поднимет! Один я на всём белом свете... Эх!

Я смахнул набежавшую слезу. Как мне стало самого себя жалко! Один, всеми брошенный, без друга...

Но, с другой стороны - надо сказать прямо, я всё-таки при харчах и выпивке. А после осознания такого слеза тут же высохла.

Когда со мной так было, чтобы я уже почти неделю наедался всяких вкусностей и вместо трёх топоров или одеколону пил ром? Да никогда! Что ж это я нюни распустил?! Да я хозяин мира! Всё кругом моё.

Вот захочу, и соберу всё пирожное и пироги на один стол и прямо на этом спать буду! А завтра пойду в Гостинку и одежду опять поменяю на новую. Я вообще – при коммунизме живу.

Точно! Вот оно – это коммунистическое будущее, которое Советский Союз построил для меня одного. Я живу в коммунизме, а они все – в капитализме. Это кто-то из будущего – раз, и перетащил меня в коммунизм, а их всех оставил одних – загнивать. Сегодня, может быть 2222 год!

А как там при коммунизме должно быть? Сейчас вспомню... Так: «в борьбе за дело коммунистической партии будьте готовы!»... Нет, это из другой оперы. Должно быть это так: «Народ и партия едины». Но кругом ни народа, ни партии.

Я несколько приуныл. В голову лезли всякие штуки типа «взвейтесь кострами» и «что тебе снится, крейсер Аврора?» Потом я всё-таки вспомнил: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Вот. Всё, что я хочу, у меня есть. То есть – всё по моим потребностям. А вот, получается, что от меня должно быть что-то по моим способностям.

А что я могу? На что я способен?

Я горный инженер. Но я уже всё позабыл, кроме слова «эпюр» и «передаточное число».

Что же я могу? Копать могу. Вещи переносить могу. Пел когда-то. Что ещё? Рисовал.

Нет, надо отоспаться – утро вечера мудренее.

Бутылку я не допил и мой многолетний опыт не позволил мне её оставить. С собой её; в рюкзак её, голубушку, в боковой карман. А захочу, по дороге домой достану раскладной походный стакан из нержавеющей стали, налью туда

рома и в любом месте ещё выпью. Например, посередине Невы! А что? Никогда я не пил на середине Дворцового моста! А теперь имею право! И на закуску в рюкзак положу какие-нибудь дорожные пирожные. Самые дорогие.

Хотя... а зачем мне на Ваську тащиться в свою конуру, где меня ждёт грязь и обшарпанные стены? Наверняка в городе дверь в какую-нибудь квартиру открыта. Там и переночую. Или вон в гостиницу «Интурист» зайду.

А почему бы не зайти, например, в этот дом?

Заходим. Вот второй этаж. Так. Первая дверь. Толкаем – закрыта. Вторая дверь. Толкаем. О! Открылась!

Так... заходим.

- Есть кто живой?

Никого. Гляну по комнатам. Никого. А в уборную? Никого. А теперь можно и осмотреться: куда это я попал?

Хорошая квартира. Высокие потолки, лепнина под потолком ещё царских времён. И мебель соответствующая – старая, добротная, царская. По стенам картины висят. Не репродукции, а настоящие картины с разными видами природы. А вот в гостиной стоит большой круглый стол, покрытый скатертью с рюшками. А посередине стола на скатерти стоит ваза с фруктами – яблоки, груша и виноград. Да! Хорошо живут, ничего не скажешь.

Видел я такие квартиры, как же!

Это в конце 80-х мама моя ездила в Сочи по путёвке. Там она жила с Мябре в одном номере – финка какая-то, тоже из Ленинграда. Старенькая была такая, но боевая. Мама с ней подружилась и даже займы у неё десять рублей взяла – на покупки всем нам каких-то рубашек и платьев сестре. После первой полочки, как и обещала, решила отдать долг. Вот и попросила меня отвезти Мябре эти десять рублей.

Жила Мябре где-то на Дегтярной улице, недалеко от Дегтярных бань. Не помню точно – где. Взял я эти десять рублей, какие-то яблоки в подарок и поехал к Мябре в гости. У неё была точно такая же квартира, как эта. И запах был в квартире такой же – не затхлости и не зажитости, а какой-то особенный – музейно-кофейный. А кофейный – потому что Мябре готовила кофе. Сама варила. Я-то не любитель кофе. Так – по утрам либо чай с сахаром, либо растворимый кофе со сгущёнкой. А она предложила сварить для меня кофе, говоря о том, что он контрабандный.

Это таинственное и загадочное слово: «контрабанда»! Контрабанды очень хотелось попробовать.

И точно! Такого вкусного кофе я никогда больше в жизни не пил. Я, конечно, не помню его вкуса – времени-то утекло много. Но такие яркие ощущения, такой аромат, такое сильное взрывное насыщение кофейной горчинкой!

Даааа.

Здесь живёт Мябре. Точно! И запах такой, и обстановка. Значит, она.

Ну что ж, будем в гостях у неё поаккуратнее. Но всё-таки дверь изнутри закрою и на щеколду – мало ли что?

Так. А что у нас на кухне? Кухня современная, уютная. А что там в холодильнике? Суп!

Так! Достаём суп, посмотрим – что это за суп. Похоже на борщ. Красный от свёклы, густой, жирный. А вот отольём себе в маленькую кастрюльку три половника этого чуда, и поставим на плиту разогреваться. Сильный огонь делать не будем – пусть постепенно нагревается.

Что там ещё в холодильнике? Помидоры, огурцы, перец, кабачки, баклажаны, зелень петрушки и укропа.

А вот это – настоящий подарок! Молодой чеснок. Какой же борщ без чеснока? А тут не старый и злой чеснок, а молоденький, сладенький, ароматный! Достаём и мелко так порубим два зубчика. Есть.

Теперь петрушку и укроп мелко режем и ждём, когда супчик разогреется. Сметанку тоже на стол. Помидорчики и огурчики не помешают, а наоборот – украсят сервировку. Теперь соль и перец. Так. Хорошо.

А хлеб? Где хлеб?

Да вот же он, хлебушек, - в холодильнике! И тут удача – бородинский. Кстати, тут в коробочке котлеточка, а тут в другой коробочке картофельное пюре. Это у меня будет на второе. Ставим на огонь сковородочку, наливаем маслица постного, теперь на одну сторону сковородочки – котлеточки, а на другую - пюре. И на маленький огонёк - слегка подогреться. И крышечкой сверху, чтобы жар не уходил.

А что тут у нас в двери холодильника в графинчике? Водочка? Точно – водочка.

Но я же водку не пью! Только ром.

Но к борщу...

Ром борщу – не товарищ. А водка борщу – подруга.

Так. Вот в шкафчике и рюмочка. Старинная, должно быть. На пятьдесят грамм. А мне больше и не надо. Пока.

Так. Наливаем, но ждём-с. Ждём-с, когда борщечёк согреться. А он уже и готов к закипанию. Мы этого не допустим и выключаем его.

Ах, какая красивая тарелка! Должно быть – ещё царских времён с цветочками вместо каймы и с галантной парой влюблённых на дне. Даже как-то неудобно из такой красоты есть. Но все глубокие тарелки здесь такие. И тарелки для второго такие же.

Так что делать нечего – наливаем в тарелку борща.

Сверху посыпаем зеленью и укропом, а поверх всей этой красоты кладем ложечку сметанки.

Ну-с! Рюмочку берём за ножечку. И поднимаем.

За что? А давай-ка выпьем за то, чтобы всё то, что со мной сейчас происходит, было не напрасно. Это ведь когда-нибудь да закончится. Чем ни будь. Так вот пусть всё закончится чем-то хорошим.

Хорошо пошла... А теперь борщечком закусываем. Эх! Вкуснятина-то какая!

Есть, тарелка пустая. Теперь – котлетки и пюрешечку. Нет! Не в глубокую тарелку. Я же у Мябре! Для этого надо достать мелкие тарелки, а эту из-под борща, отправляем прямиком в мойку.

А к такой тарелке, хочешь – не хочешь, а надо достать не только вилку, но и нож.

Когда я работал в НИИ, там в столовой я научился есть вилкой и ножом. И вилка, и нож – у Мябре старинные. Красота.

Может быть – ещё рюмочку?

Я прислушался к себе в поисках ответа на этот вопрос. И с удивлением услышал робкое «нет» - не хочется мне водки. И рома не хочется. Просто съем котлеты с картофельным пюре и всё. Хотя ... одну можно. Для аппетита.

Котлеты замечательные! Точно – здесь живёт Мябре. Обменяла свою квартиру на Дегтярной на этот район.

Современные женщины так готовить не умеют. Это – старая школа. И борщ, и котлеты, и пюре – просто восхитительные.

Моя Алка готовила средне – без фантазии. Покупала в магазине полуфабрикаты - мясной фарш, - добавляла в него мякиш хлеба, размоченного в воде, солила, перчила, всё перемешивала – и фарш готов. Делала котлетки, вываливала их в муке – и на сковородку.

Просто, быстро и без фантазии. А к котлетам на гарнир – макароны.

- Хочешь картофельного пюре? – Как-то очень зло она спросила у меня. — Вот сам картошку почисть, отвари и растолки. А не можешь – жри макароны.

У нас с ней всё разладилось в середине 90-х.

И до этого жили не гладко – бывало, что за ручку подержимся, а бывало, что и неделями не разговариваем.

А в 90-е годы сначала нам в НИИ перестали вовремя платить зарплату, а затем и вовсе платить перестали. Алка бросила магазин и занялась челноч-

ным бизнесом – таскалась с сумками в Польшу, где обменивала нашу водку и сигареты на польское шмотьё, которое потом продавала на Сенном рынке. У неё появились деньги, новые подружки и друзья. А я дома сидел с Лизкой – в НИИ уже и не ходил. А зачем? Пытался я себе какую-то работу найти, но кому нужен проектировщик угольных шахт?

В итоге – весь дом оказался на мне: и убираю, и глажу, и стираю, и обеды готовлю, и Лизу в садик таскаю. Дочка-то ко мне привязалась - я же ей и за мать, и за отца.

Алка на Сенном рынке какую-то женщину наняла, та продавала шмотки, привезённые из Польши, а Алка челноком - туда-сюда, туда-сюда.

Затем уже сама перестала ездить – для этого людей наняла. И автомобиль себе купила – подержанную восьмёрку. И права себе купила. И уже дома чаще сидела, а не моталась, всё по телефону задания раздавала, да по пейджеру с народом общалась.

Стала мне гадости всякие говорить, что мол, я баба, на шее у неё сижу, ничего не делаю и что в постели у меня ничего толком не получается. А как тут получаться, если нахлебником себя чувствуешь и в постель боком заползаешь?

Договорилась, устроила меня грузчиком в тот универсам, где сама раньше работала. И вот я, горный инженер, который проектировал шахты в Апатитах, одеваю робу и таскаю с двумя мужиками мешки, коробки и всякие ящики. Работа тяжёлая, подневольная. Хозяйка магазина всё время орёт, подгоняет. За мусор нас считает. Вот после такой работы с мужиками сто грамм и примешь – стресс снять.

Бывало, что и больше ста грамм получится – наш старший, Федотыч, кажется, умудрялся при погрузке-разгрузке стащить бутылёк и какую-нибудь кильку в томате. Как ему это удавалось – ума не приложу. Хозяйка, сучка, за каждым нашим движением следила. А он после работы подмигнёт так – позаговорщески, и мы с ним в ближайшую подворотню – нырк! А он уже и пробку у бутылки открыл.

Жена меня на диван в гостиную переселила – мол, пьянчужка, вечно от тебя водкой пахнет: иди на диван спать. И Лизонька стала меня чураться.

И прихожу я как-то домой, а в дверь врезан новый замок. Не попасть. А я пьяненький был. Стучаться давай, кричать. А Алка только того и ждала – милиция тут как тут, адвокат какой-то при ней суетится... Забрали меня в кутузку, посадили и стали уголовщину шить – угроза убийства, статья такая-то, пьяное состояние, отягчающее обстоятельства, пятнадцать лет тюрьмы и так далее. И адвокат её суетится, всякие страшности обещает. Сошлись в итоге на том, что квартиру мою родительскую двухкомнатную я Алке отписал, а она мне в обмен на неё купила комнату в коммуналке на Ваське. И всё! Ни жены, ни дочери, ни кола, ни двора...

И понеслось... Работы никакой нет. Друзей нет. Женщины нет. Впрочем, женщины были, но из наших, из алкашей. Когда собирались где-нибудь или у кого-нибудь, выпивали, закусывали, то на определённом этапе эти шалавы вдруг начинали себя мнить принцессами. Требовали особого к себе отношения – ну там стул подвинуть или руку подать, когда ей по нужде из-за стола выйти надо. А потом после очередного глотка им уже не до особых ухаживаний – размякнут и делай с ними что хочешь. Вот я и делал, когда силы были. Как ничем не заразился, не понятно. А может быть, и заразился, только никак это ещё не проявляется. Не чешется.

Да... А была бы у меня семья, нормальная семья, я бы тогда и чистенький был, и ухоженный и облюбленный...

А сейчас я вот тут у Мябре сижу и борщи с котлетками ем! Женщину поискать где-нибудь, что ли? Не мог же я один на белом свете остаться?..

Но это потом. А сейчас надо понять: спать где я буду? Вот спальная комната, старинная постель с высокими перинами. И, удивительно, но постель совсем свежая, ни разу не использованная, как будто меня ждала. Наверное, это мини гостиница, Тоха про такие говорил.

А прежде, чем лечь спать на эти перины, пойду-ка я и приму ванну.

Большая у Мябре тут ванна - царская, наверно. А вот и пена для ванн. Туда её и побольше. А какой аромат! А какая высокая пена! Вот сейчас я своё испитое тело и вымочу в этих ароматах.

А ведь приятно, что я не напился до потери сознания, как это всегда бывает, а просто так, пьяненький, но в меру. Вот и в тёплой ароматной воде могу с сознанием своего превосходства над всеми отмокать и наслаждаться. Эх, надо было из рюкзака рому с собой взять. Я в американских фильмах видел, как миллионеры принимают ванну и выпивают. Но, кажется, они пьют шампанское. Но я же не американец? Могу и ром выпить. Хотя тащиться до рюкзака неохота – тут так хорошо, расслабляет...

Я и не заметил, как уснул. И как я не утонул во сне? Проснулся я от того, что мне стало холодно – вода в ванне остыла.

Тяжело было вылезать из ванны – сон ещё сковывал все мои члены, да и алкоголь свежести не добавлял. Вытиревшись полотенцем, я, спотыкаясь на каждом шагу и задевая мебель в незнакомой квартире, с горем пополам достиг кровати – благо в Питере стояли белые ночи и было светло.

Добравшись до постели, завалившись на неё и укрывшись одеялом, я мгновенно уснул.

Ах как хорошо, что вчера я остановился. И хотя я заснул в ванне, но такое бывает. Зато вот – я весь из себя чистый после того, как несколько часов отмокал. И голова, кстати, совсем не болит. Вот почему бы так каждый раз вовремя не останавливаться? Выпил для аппетита рюмку-другую, покушал, расслабился и на покой.

Я внимательно огляделся вокруг. Стены спальни оклеены тёмно-зелёными обоями с какой-то тускло позолоченной продольной линией. Тяжёлые шторы тёмно-коричневого цвета плотно закрывали окно и поэтому было не ясно – день или ещё утро. Вдоль стены стояли комоды такого же тёмно-коричневого цвета что и шторы. На каждом из них красовались какие-то фотографии в рамочках, а на фотографиях были изображены незнакомые люди. Мябре на них не было. У меня-то хорошая зрительная память и, если бы там была Мябре, я бы её узнал. Конечно же, это была не её квартира. Ей бы сегодня было уже больше ста лет, а в Питере так долго не живут.

Я тщательно заправил постель, поскольку было неудобно как-то оставлять её неубранной, отправился в ванную комнату и с удовольствием умылся.

Странно, но я себя чувствовал очень бодро. Был какой-то внутренний подъём духа. Хотелось созидать и творить.

Накрывая стол для еды на завтрак, я даже мурлыкал тихонечко какую-то песню из далёкого прошлого, типа «от улыбки станет всем светлей».

А вот в шкафчике и заварной чайник и даже есть чёрный чай в жестяной баночке с рисунком из каких-то китайских птичек. Наконец-то!

Я с наслаждением вдохнул аромат этой заварки – давненько я такого запаха не слышал! В последние годы я пил чай только из пакетиков – быстро и дёшево, поскольку пакетик красит чай несколько раз. А если денег нет, можно в какую-нибудь столовку зайти и, пока ещё посуду не убрали, взять из стакана уже использованный пакетик чая. А что в этом такого? Его же не жевал никто! Один раз только кипятком обдали, да и то – в современных столовках не кипятком, а горячая вода температуры градусов в восемьдесят. Так что его можно ещё заваривать и заваривать!

Да...

А тут – крупный лист, хрустит в руках, блестит угольным оттенком на солнце. Цейлонский, наверное. И какой аромат!!

Завтрак не был таким роскошным, как в предыдущие дни: только кусочек хлеба со сливочным маслом и сыр. Но чай! Настоящий заварной чёрный чай! Это было божественно!

Я даже подумал – а не поселиться ли мне здесь у Мябре? И не провести ли здесь остаток своих бранных дней? Но потом эту мысль прогнал. Здесь, конечно, очень уютно, как-то очень по-домашнему. Как у бабушки. Но, должен я заметить, – как у чужой бабушки. Такой бабушки, какую в старых детских сказках рисовали – в очках и в чепчике. И к такой обязательно приходит Серый волк. А оно мне надо?

А моя родная бабушка чепчик не носила. И ко мне относилась спокойно, когда мы на лето в Омск приезжали. Приехал? Ну и молодец! Вот тебе конфетка. Уезжаешь? Вот и молодец! На тебе ещё конфетку. Приезжай.

Поэтому если я здесь останусь жить, то буду как в гостях. Неловко как-то.

Я тщательно за собой всё убрал, помыл посуду и попрощался с этой квартирой.

Выйдя из подъезда дома и повернув к Невскому, я уткнулся в здание Публичной библиотеки. Никогда я здесь не был! И всегда с каким-то трепетом проходил мимо её дверей.

Музеи и всякие выставки – это одно. А Публичная библиотека – это совсем другое. Сюда заходят только умные мужи.

Дааа.

И умные... а как будет «умный муж» женского пола во множественном числе? Умные бабы? Нет. Умные бабки? Тоже - нет. Вот те на! Умные мужи есть, а умные женского пола русским языком не предусмотрены. Надо будет исправить как-нибудь, например, «умные мужи и умные бабжи» или что-то такое...

Я, немного волнуясь, повернул направо и прошёлся вдоль ограды Катькиного садика. Кажется, вот эта дверь и является входной?

Я подошёл к тяжёлой массивной деревянной двери в библиотеку и потянул на себя ручку двери. Закрыто. Потянул ещё раз – закрыто.

Ну вот! Буфеты и рестораны, квартиры и магазины для меня открыты, а Публичная библиотека закрыта! Почему? За что? Я ведь умею читать. И читал... в детстве. Потом уже в институте я читал только учебники. И то некоторые. А как женился, так только телик и смотрел. Газеты иногда читал. А, может быть, я хочу Пушкина с Некрасовым почитать, или того хуже – Достоевского с Шекспиром. Имею право! А библиотека закрыта! Что за безобразие!

А, впрочем, ведь на берегу Грибанала есть книжный магазин. Не всё ли равно, где взять книгу?

Я пнул в досаде дверь в публичку и отправился по Невскому к книжному магазину. Я ещё не решил – что именно возьму для чтения. Там на месте и соображу. А пока я шёл, то планировал – что же мне делать сегодня.

Я ведь родился в семье трудяг. Отец всю свою сознательную жизнь на заводе работал. И мать там же. И по дому всё они делали сами своими руками. Отец в квартире ремонт делал и технику чинил – рукастый был и мастеровой. Да и мать также по дому всё хлопотала – то постирать, то погладить, то обед сварить, то платье старшей сестре сшить, то мне на брюках заплатку поставить. И я тоже всё руками могу. Мог, по крайней мере. Отцу помогал. И когда женился тоже квартира была на мне – кран починить или розетку заменить... Так вот сейчас я наберу разных хороших книжек, сложу их в рюкзак и отправлюсь домой. А там я наведу порядок, вымою всю посуду, отмою полы и окна, застелю, наконец-то постельное бельё, а то уже и не знаю сколько времени я сплю на голом матрасе, укрываясь одеялом без пододеяльника. И на подушке наволочка не известно какого цвета – полгода, наверное, не стирала. И ремонт в квартире сделаю своими руками...»

Главврач закончил чтение и закрыл тетрадь с текстом.

- Ну что ж, Георгий Леонидович, - сказал он, обращаясь к сидящему напротив него молодому человеку в белом халате. - Думается мне, что вы на правильном пути. Продолжайте терапию.